

С.А. Важник

кандидат филологических наук, Белорусский государственный университет

Sergey A. Vazhnik

Candidate of Philology, Belarusian State University

**Посессивная картина мира белорусов:
белорусско-русские параллели**

**The possessive picture of the world of the Belarusians:
Belarusian-Russian parallels**

Ключевые слова: esse-языки (быть-языки) vs. habere-языки (иметь-языки); посессивная модель; отторжимая // неотторжимая принадлежность.

Key words: esse-languages (to be-languages) vs. habere-languages (to have-languages); possessive model; rejecting // non-rejecting belonging.

В публикации говорится о синкретическом характере белорусского синтаксиса при выражении посессивных отношений. Белорусские *быть*- и *иметь*-конструкции полностью равноправны при выражении «отторжимой принадлежности», однако наблюдаются определённые селективные ограничения сочетаемости глагольного предиката *мець* с неотчуждаемыми («неотторжимыми») именами. Сочетаемость белорусских глаголов *быць* и *мець* с именами в позиции посессума (объекта обладания) целесообразно описывать также посредством селективных категорий [+Concr] // [+Abstr], [+Anim] // [-Anim], [+Pers] // [-Pers].

В.А. Плунгян относит белорусский язык к *иметь-языкам*. Видимо, по причине наличия в белорусском конструкции *я маю* [Плунгян 2020: 194]. Это констатация принципиального типологического отличия белорусского языка от русского при выражении посессивности на синтаксическом уровне. Однако специфика белорусского синтаксиса всё же в **синкретизме**.

В белорусском литературном языке используются как *иметь*-конструкции, так и *быть*-конструкции, что позволяет считать белорусский язык и *esse*-, и *habere*-языком одновременно: *Кожны народ мае хаця б адзін геніяльны твор, і гэты твор – мова* (А. Разанаў); *Раз у цябе ёсць сіла, ты заўсёды знойдзеш спосаб жыць на свеце, праб’еш сабе дарогу – што жывое, жывым і застанецца* (Я. Колас). В советское время под влиянием русского языка конструкция *у мяне ёсць* начала преобладать в белорусском языке, в частности, в публицистике и текстах художественной литературы. Однако, по нашим наблюдениям, в

белорусской фразеологии и поговорках, архаичных по своей сути, имеет место преимущественно **я маю**.

А.Е. Супрун [Супрун 1999] справедливо отмечал, что белорусский литературный язык находится между двумя языковыми ареалами – *Slavia Orthodoxa* i *Slavia Latina*. Наличие в белорусском литературном языке двух посессивных конструкций с глаголами *мець* и *быць* – ещё один пример в пользу концепции «между» известного белорусского учёного-слависта.

Русский язык – типичный *esse-язык* (*быть-язык*), так как для выражения отношений принадлежности в нём используется модель **у X-а есть Y**. Хотя при этом отметим наличие в русском языке редких прецедентных высказываний с глаголом **иметь**: *Честь имею!*; *Не имей сто рублей, а имей сто друзей*; *Думайте сами, решайте сами: иметь или не иметь?*; *Что имеем – не храним, потерявши – плачем*. Речь в данных примерах идёт об обладании вообще, обладании воображаемом, желаемом и т. п. [Плунгян 2020: 194]. При этом подобные конструкции иногда имеют архаично-книжный оттенок [Михневич 1991: 211].

Белорусская и русская посессивные модели полностью совпадают на уровне глубинных (предикатно-актантных) структур: **Pr – Pred Poss – Pm**. Отличия в дистрибуции глагольных предикатов *мець* (БЯ) и *быць* (РЯ) выявлены только на морфолого-грамматическом уровне – в формах выражения *посессора* и *посессума*. Ср.: **N nom – Vf – N acc** (БЯ); **у N gen – Vf – N nom** (РЯ).

The article describes the syncretic nature of the Belarusian syntax. The Belarusian *be-* and *have-*constructions are completely equal when expressing “rejected belonging”, but there is no complete synonymy between the marked constructions. There are certain selective restrictions on the compatibility of the verb predicate *мець* with non-rejecting names. The compatibility of the Belarusian verbs *быць* and *мець* with the names in the possessum position should also be described by means of selective categories [+Concr] // [+Abstr], [+Anim] // [-Anim], [+Pers] // [-Pers].

V.A. Plungyan considers the Belarusian language to be a *have-language*. Apparently, it's due to the presence of the construction **я маю** in the Belarusian language [Plungyan 2020: 194]. This is a statement of the fundamental typological difference between the Belarusian language and Russian when expressing possessiveness at the syntactic level. However, the specificity of the Belarusian syntax is still in **syncretism**.

In the Belarusian literary language, both *have-*constructions and *be-*constructions are used, which makes it possible to consider the Belarusian

language both *esse-* and *habere-*languages at the same time and indicates the **syncretic nature of the Belarusian syntax**: *Кожны народ мае хаця б адзін геніяльны твор, і гэты твор – мова* (А. Разанаў); *Раз у цябе ёсць сіла, ты заўсёды знойдзеш спосаб жыць на свеце, праб’еш сабе дарогу – што жывое, жывым і застанецца* (Я. Колас). In Soviet times, under the influence of the Russian language, the construction *у мяне ёсць* began to prevail in the Belarusian language, in particular, in journalism and fiction texts. However, according to our observations, in the Belarusian phraseology and paroemias, which are archaic in nature, there is mainly *я маю*.

Adam Suprun [Suprun 1999] rightly noted that the Belarusian literary language is located between two linguistic areas – *Slavia Orthodoxa* and *Slavia Latina*. The presence of two possessive constructions with the verbs *мець* and *быць* in the Belarusian literary language is another example in favor of the concept of “between” by the well-known Belarusian Slavic scholar.

The Russian language is a typical *esse-language* (*to be-language*), since it uses the model *у X-а есть Y* to express relations of belonging. At the same time, there are rare precedent statements with the verb *иметь* in Russian: *Честь имею!*; *Не имей сто рублей, а имей сто друзей*; *Думайте сами, решайте сами: иметь или не иметь?*; *Что имеем – не храним, потерявши – плачем*. These examples are about possession in general, possession of the imaginary, desired, etc. [Plungyan 2020: 194]. Moreover, such constructions sometimes have an archaic bookish connotation [Michnevich 1991: 211].

The Belarusian and Russian possessive models completely coincide at the level of deep (predicate-actant) structures: **Pr – Pred Poss – Pm**. The differences in the distribution of the verbal predicates *мець* (BL) and *быць* (RL) were revealed only at the morphological and grammatical level – in the forms of expression of the possessor and possessum: **N nom – V f – N acc** (BL); **у N gen – V f – N nom** (RL).

Библиографические ссылки

Михневич А.Е. [Michnevich A.E.] Русско-белорусский разговорник. Мн.: Выш. шк., 1991. С. 211.

Плунгян В.А. [Plungyan V.A.] Почему языки такие разные. М.: Русистика, 2020. С. 178–200.

Супрун А.Я. [Suprun A.J.] Беларуская літаратурная мова: паміж *Slavia Orthodoxa* і *Slavia Latina* // Мова – Літаратура – Культура. Мн.: БДУ, 1999. Ч. 1. С. 21–24.